

КАВАЛЕРІЙСКІЕ ВОПРОСЫ.

VII. (*)

ВЫБОРЪ И ОВУЧЕНІЕ ЛЮДЕЙ.

Что такое кавалеристъ? Крѣпко сиди въ сѣдлѣ (не въ красотѣ дѣло), умѣй заставить коня идти куда тебѣ нужно, приучись владѣть оружіемъ на столько, чтобы сумѣлъ рубить изъ всей силы и безъ промаха—вотъ и все.

Посмотришь на этотъ рецептъ—какъ-будто и немного, какъ-будто и нетрудно. Оно и дѣйствительно такъ, пока дѣло идетъ о внѣшней сторонѣ дѣла; но чтобы назваться настоящимъ кавалеристомъ, надобно еще нѣсколько нравственныхъ условий: не разбирай опасности, не считай враговъ, не горячись до самозабвенія, не рвись безъ толку впередъ, а разъ рѣшился—не оглядывайся.....

Конечно, эти условія не всегда встрѣчаются всѣ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же человѣкѣ, но все-таки соответствующее воспитаніе можетъ въ каждомъ развить ихъ до нѣкоторой степени.

Никто не родится со шпорами и съ саблей, и, глядя на мальчика, никогда нельзя сказать *что* изъ него выйдетъ; а поставьте его въ извѣстныя условія, дайте воспитаніе въ извѣстномъ направленіи, тогда заранѣе можете съ большею вѣроятностію предвидѣть, что изъ него скорѣе выйдетъ человѣкъ даннаго вами направленія, чѣмъ что-либо другое.

Есть однакожъ люди, которые въ этомъ сомнѣваются: „кавалериста образовать нельзя: кавалеристы рождаются“. (**) Громко, красиво и, по нашему мнѣнію, ложно. Что такое значить „рождаются“? Сказано ли это въ смыслѣ того, что ка-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1865 г., №№ 4, 6 и 8.

(**) „Военный Сборникъ“ 1862 г., № 2. „Кавалерійскіе очерки“.

валеристъ большая рѣдкость, что когда эта рѣдкость народилась, такъ уже это событіе?... Или, можетъ быть, авторъ хотѣлъ до конца развить свою первую посылку? Но вѣдь и пѣхотинецъ рождается, а изъ этого еще не слѣдуетъ, что *пѣхотинца образоватъ нельзя*. Конечно, изъ дерева или изъ глины не создашь ни кавалериста, ни пѣхотинца, и по весьма простой причинѣ: изъ ~~этихъ~~ матеріаловъ не создашь *человѣка*. Но если намъ уже данъ человѣкъ, кто мѣшаетъ образоватъ изъ него кавалериста или пѣхотинца?

Впутывать тутъ природу нечего; навязывать человѣку какое-то *природное* назначеніе — быть или не быть ему кавалеристомъ, значить доказывать, что кавалеристъ созданъ иначе, чѣмъ пѣхотинецъ, что онъ созданъ для того, чтобы вздѣть верхомъ, что ему и ноги даны собственно для того, чтобы удобнѣе было взлѣзать на коня!

Другой добрякъ и въ самомъ дѣлѣ повѣритъ, что кавалеристъ—это какая-то высшая натура, что его „не создашь, какъ не создашь поэта или музыканта (*). Не вѣрь, добрый человѣкъ: ты и самъ будешь добрымъ кавалеристомъ, если тебѣ *прикажутъ*“.

Рекрутовъ сортируютъ въ роды войска только по росту и наружности, не спрашивая ихъ собственнаго призванія, что, по нашему мнѣнію, недостаточно.

Для кавалерійской службы, конечно, надобны нѣсколько иныя условія, чѣмъ для службы въ пѣхотѣ: маленькаго роста человѣкъ не взлѣзетъ и на лошадь; коротконожка не въ состояніи управлять конемъ какъ слѣдуетъ: онъ будетъ шпорить вальтрапъ; слабогрудый не вынесетъ долго: рысь вгонитъ его въ чахотку.

Смотрите на рекрута съ точки зрѣнія этихъ условій и берите только тѣхъ, которые не ниже пяти и не выше семи вершковъ (рослый человѣкъ тяжелъ для лошади); кромѣ того, при выборѣ людей въ кавалерію, слѣдовало бы къ рекрутскому станку придѣлать подвижную планку для опредѣленія ддины ногъ: планка подводится снизу до самаго шага, и если ноги окажутся короче остальной части тѣла—рекрута въ кавалерію не брать. Объ этомъ станкѣ уже было говорено, года три назадъ, въ „Военномъ Сборникѣ“.

Что кавалеристомъ быть вовсе не штука, доказываетъ опытъ,

(*) „Кавалерійскіе очерки“.

презаведенный въ 1860 году при штабѣ резервнаго кавалерійскаго корпуса (*): 1-го марта составленъ былъ „пробный эскадронъ“ изъ людей, прослужившихъ годъ или два въ ближайшихъ къ Елисаветграду, гдѣ стоялъ штабъ, гарнизонныхъ батальонахъ. Черезъ 3½ мѣсяца эскадрону былъ сдѣланъ смотръ, нарочно командированнымъ изъ Петербурга генераломъ, который нашелъ:

1) Справа по одному шагомъ—хорошая и непринужденная посадка и замѣчательное спокойствіе рукъ, чрезъ что лошади идутъ собранными.

2) Водиты на рыси и галопѣ дѣлаются спокойно и правильно; направо и налево назадъ, съ перемѣною ноги на галопѣ, исполняются большею частію правильно, а если которая лошадь или не перемѣнила, такъ видно, что всадникъ это чувствовалъ и старался исправить.

3) Справа по одному въ карьеръ съ рубкой и стрѣльбой—хорошо и видна смѣлость.

4) Повороты и строй фронтъ.

5) Вызывались наѣздники, потомъ разсыпная атака по полускадронно и сборъ—въ порядкѣ и безъ суматохи.

6) Эскадронъ разсыпался во всѣ стороны, какъ бы отбитый; затѣмъ аппель и сборъ позади эскадроннаго командира; фланги и шеренги перемѣшаны; эскадронный командиръ подвигается впередъ, прибавляя аллюръ, и наконецъ переходитъ въ атаку; фронтъ уже сомкнуть, и атака произведена отлично—все это исполнено въ нѣсколько минутъ (**).

Такимъ образомъ, пробный эскадронъ выполнилъ всю программу кавалерійской части. Больше мы бы и не требовали.

„Между подобнымъ *искусственнымъ* и *природнымъ* кавалеристомъ такая же разница, какъ между манежною и степною лошадью“, возражаетъ авторъ „Кавалерійскихъ очерковъ“, отличающихся необыкновенною сбивчивостію опредѣленій, такъ что читаешь, читаешь и никакъ въ толкъ не возьмешь, что значить „наѣздникъ отъ природы“—то ли же, что и *природный кавалеристъ*? что такое значить *практическій кавалеристъ* и что такое *искусственный*?

Изъ всей путаницы поясненій автора мы вывели только,

(*) Свидѣніе объ опытѣ заимствовано изъ дѣлъ комитета организаци войскъ.

(**) Это полезное упражненіе введено бывшимъ корпуснымъ командиромъ батальона Остенбергомъ.

что природный кавалеристъ значить „нѣмецъ“, практическій кавалеристъ значить „казака“. Для поясненія приводитъ слѣдующія выдержки изъ опредѣленій автора:

„Хотя и есть хорошіе наѣзники отъ природы — говорить онъ — но искусство и практика могутъ также содѣйствовать образованію наѣзника. Напротивъ, кавалериста не создаютъ.“

Славяне, по увѣренію автора, созданы наѣзниками и „по преимуществу способны къ кавалерійской службѣ“. Англичане тоже „наѣзники, но не кавалеристы“. „Французъ не созданъ ни наѣзникомъ, ни кавалеристомъ.“ Нѣмцы „не рождены наѣзниками, но... дѣлаются природными кавалеристами“ (?). „Линейные казаки — лучшіе практическіе кавалеристы.“

Ничего не разберешь: то кавалеристомъ сдѣлаться никакъ нельзя, а надо такъ уже родиться, то можно сдѣлаться не только простымъ практическимъ, но и природнымъ кавалеристомъ.

Автору хотѣлось уяснить разницу между наѣзникомъ и кавалеристомъ, и оказалось, что ни въ одной націи кавалеристы не рождаются, что нѣмцы дѣлаются природными кавалеристами, казаки тоже дѣлаются практическими кавалеристами. Словомъ, кавалеристы не рождаются, а дѣлаются, и этотъ выводъ, являющійся самъ собой, безъ вѣдома автора и изъ его же собственныхъ словъ, дѣйствительно справедливъ: каждый можетъ сдѣлаться кавалеристомъ, если соотвѣтствующее воспитаніе разовьетъ въ немъ, необходимыя нравственныя качества, не говоря уже о верховой ѣздѣ и умѣнїѣ владѣть оружіемъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ обученіи рекрутовъ верховой ѣздѣ, гимнастикѣ, вольтижированію и фехтованію. Входить въ подробности мы не будемъ: для этого существуютъ „Рекрутскій Уставъ“ и всевозможныя инструкціи; мы скажемъ только о нѣкоторыхъ практическихъ измѣненіяхъ, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, будутъ болѣе соотвѣтствовать главной цѣли всякаго обученія — *приготовленію человека къ бою*.

Рекруту полагается давать сначала нѣсколько времени осмотрѣться, чтобы сдѣлать переходъ къ военной службѣ незамѣтнымъ и предотвратить развитіе весьма опасной болѣзни — *тоски по родинѣ*. Замѣчено, что эта болѣзнь наиболѣе развивается отъ холодности и суровости обращенія и *ничего недѣланья*. Человѣкъ, оторванный отъ семьи, встрѣчается грубымъ унтеръ-офицеромъ, который старается преувеличить въ глазахъ рекрута свое значеніе и свою власть; а извѣстно, что „la plus

insupportable des tyrannies, est la tyrannie des subalternes“ (*). Тутъ иногда и эскадронный командиръ, въ видахъ *астратки* (манера эта есть у многихъ начальниковъ и выше), обойдется на первый разъ нѣсколько сурово. Естественно, что рекрутъ замѣтитъ нѣкоторую разницу между семьей и эскадрономъ, а въ особенности рекрутъ изъ мѣстностей привольныхъ, богатыхъ. Ко всему этому еще скука: нѣтъ настоящаго дѣла (а вѣдь ничего нѣтъ хуже, какъ „дѣла не дѣлай — отъ дѣла не бѣгай“), заучиваніе наизусть цѣлаго ряда именъ начальниковъ и разныхъ другихъ болѣе или менѣе важныхъ пунктовъ...

По нашему мнѣнію, какъ только явился рекрутъ — на другой же день за дѣло, чтобы ему *некогда было скучать* или думать о родинѣ; голову на первыхъ порахъ оставить въ покоѣ, не насиловать памяти: это самое скучное занятіе. А чтобы заохотить рекрута къ службѣ, надо, чтобы она показалась ему съ перваго разу вовсе нетрудною. Для этого посадить прямо въ сѣдло и со стремянами на совершенно смирную, старую лошадь и провести его на кордѣ нѣсколько разъ вокругъ манежа, причѣмъ показать нѣкоторыя первоначальныя правила посадки, и именно *показать*, а не *рассказать*: солдатъ больше любитъ и скорѣй понимаетъ дѣло, чѣмъ слова. Слѣдуетъ также ободрить рекрута нѣсколькими похвалами. Мы на дѣлѣ видѣли, какъ пріохочивается рекрутъ къ службѣ, какъ онъ мало груститъ по родинѣ и какаѣ привязанность къ начальнику является въ немъ съ перваго же разу....

Не слѣдуетъ обращать много вниманія на посадку и добиваться однообразія: посадка зависитъ прежде всего отъ тѣло-сложенія — вѣдь и берейторы не всѣ одинаково вѣдятъ; сверхъ того замѣчено, что люди на домашнихъ ученьяхъ вѣдятъ почти всегда лучше, чѣмъ на смотрѣ, вслѣдствіе излишняго усердія и напряженности. Управление лошадью такая несложная штука и основана на такихъ понятныхъ естественныхъ законахъ, что каждый рекрутъ сразу пойметъ въ чемъ дѣло, и, увидѣвъ, что лошадь исполняетъ правильно повороты, онъ становится самоувѣреннымъ. При обученіи вадѣ рысью, слѣдовало бы ввести, какъ совѣтуетъ и Ноланъ, англійскій способъ, который имѣетъ то важное преимущество, что, сокращая наполовину число толчковъ, сохраняетъ грудь всадника и спину лошади. Съ этимъ

(*) Maximes de guerre de Napoléon I. „Самыя невыносимыя притѣсненія — это притѣсненія низшихъ властей.“

способомъ нашъ народъ достаточно знакомъ: фореиторы и ямщики съ эстафетой иначе и не ѣздятъ рысью, какъ въ прыскотъ.

Наши казаки, вопреки мнѣнію автора „Кавалерійскихъ очерковъ“, ѣздятъ вовсе не по-англійски, а по-своему, *по-казацки*: стоя на стременахъ. Этотъ способъ утомляетъ ноги (нерѣдкое послѣдствіе—расширеніе ножныхъ венъ) и, въ случаѣ неожиданныхъ остановокъ лошади, можетъ причинить грыжу.

Изъ всѣхъ манежныхъ движеній мы требовали бы только: осаживаніе, повороты, вольты и приниманіе въ сторону—словомъ, только то, что понадобится въ строю. Каждый манежный урокъ надобно бы оканчивать холостымъ выстрѣломъ, для пріученія лошадей, и хотя разъ въ недѣлю сдѣлать по улицамъ прогулку, а то многія лошади, воспитанныя въ манежѣ, боятся даже своихъ собственныхъ слѣдовъ.

Если бы кавалерія ограничилась однѣми уздечками, то смѣло можно ручаться, что въ три мѣсяца можно было бы выучить и лошадь и всадника, тогда какъ теперь для лошади надо три мѣсяца, а для всадника шесть. Слѣдовало бы принять три аллюра: шагъ, рысь и карьеръ; галопу же отнюдь не учить: съ нимъ люди познакомятся въ полѣ, при переходѣ изъ рыси въ карьеръ и обратно. Обыкновенный галопъ ничуть не быстрѣе доброй рыси, а между тѣмъ усложняетъ обученіе и сильно портитъ лошадь. Говорятъ, что галопъ необходимъ для *уравновѣшенія* лошади; а развѣ безъ этого у лошади равновѣсія не было? Нѣтъ, оно всегда было, есть и будетъ, пока лошадь держится на ногахъ: нѣтъ равновѣсія — и лошадь упадетъ. Если подъ словомъ *уравновѣшена* разумѣть то, что лошадь держитъ все свое тѣло по преимуществу на заднихъ ногахъ, то и тутъ хлопоты и труды не соотвѣтствуютъ ничтожеству цѣли: лучше всего, когда лошадь ходитъ на всѣхъ четырехъ, а не на однѣхъ заднихъ ногахъ, какъ ученая собака.

Такая несложная выѣздка, конечно, не можетъ испортить лошади, а напротивъ разовьетъ ея силы. Мы не требуемъ отъ лошади ничего такого, чего она не умѣла и прежде: три естественныхъ аллюра, повороты и заѣздъ или вольта. Если же надѣнемъ на нее желѣзную машину (шпапрейтеръ) да шлейфцигеля, да согнемъ ее въ три погібели для „вольта пліе“ или начнемъ вгонять бичами въ уголь, чтобы лошадь встала на дыбы и садилась назадъ (это для пресловутаго уравновѣшенія), то немудрено не только споровить коня, но и совѣтъ покажи-

чить. И это называют *кавалерійскою* выѣздной! Это хорошо для акробатовъ, для фокусниковъ, а не для *боевой* кавалеріи. Вотъ лучший примѣръ, къ чему приводятъ увлеченіе своею спеціальностію, стремленіе довести дѣло до конечныхъ предѣловъ и требованіе не *необходимая*, а недостижимаго *совершенства*....

Никогда не надо забывать, что *лучшее—врагъ хорошаго*.

Извѣстно, напримѣръ, что наша кавалерія довела свои аллюры до того, что бывало на церемоніальномъ маршѣ артиллерія, двигаясь рысью, врѣзывалась въ задніе эскадроны галопирующей кавалеріи. На смотру подъ Козельцомъ (Черниговской губерніи) въ 1830 году императоръ Николай приказалъ уничтожить короткіе аллюры, „которые были доведены до того, что добрая пѣхота могла обогнать галопирующую кавалерію“ (слова Государя) (*).

Старые кавалеристы, выросшіе въ манежѣ среди дѣдовскихъ преданій, говорятъ обыкновенно, что выѣздка (разумѣя ломку) вовсе не портитъ лошадь, и что если ужъ лошадь испортилась, значить она негодна и все равно испортилась бы, если не въ манежѣ, такъ на походѣ, и потому форсированная выѣздка приноситъ даже пользу, указавъ заранее, какая лошадь годна, какая нѣтъ. Но вѣдь это то же самое, что утѣшать человѣка, сломившаго себѣ шею, во время трудныхъ акробатическихъ штукъ, тѣмъ, что если ужъ свѣдился—значить не ловокъ, и все равно когда-нибудь полѣзъ бы на дерево и также сломилъ бы себѣ шею! Прежде чѣмъ слабоватая лошадь пойдетъ въ походъ — подразумѣвая походъ *военный*, а не мирное передвиженіе на новыя квартиры — она, при скромныхъ требованіяхъ, выучитъ на свой спинѣ не одного рекрута, тогда какъ при выѣздкѣ-ломкѣ не доучится и сама. Лучшее подтвержденіе нашего мнѣнія даетъ намъ собственный горькій опытъ: въ старину, до двадцатыхъ годовъ, у насъ существовала насильственная выѣздка, которую еще и до сихъ поръ можно встрѣтить у калмыковъ и табунщиковъ: повалить дикую лошадь наземь, надѣнуть на нее мѣшки съ пескомъ пудовъ до шести, надѣнуть капцунъ и затѣмъ гоняють на кордѣ до изнеможенія. Черезъ два дня та же операція, но уже съ сѣдломъ; затѣмъ на выгонѣ наѣздики вспрыгиваютъ съ нагайкой на ло-

(*) „Обозрѣніе состава и устройства регулярной русской кавалеріи“ П. А. Иванова.

шадь и мчится по кругу версты три, все уменьшая круги, и, переходя въ шагъ, приближается къ конюшнѣ. Обыкновенныя слѣдствія: разбитость и чаще надорваніе, и запаль. (*).

Въ пользу искусственнаго уравновѣшенія приводятъ еще и то, что у казаковъ много лошадей, разбитыхъ на ноги „потому что лошади вовсе не уравновѣшены и ходятъ на передѣ“. Мы думаемъ, что это бываетъ вовсе не потому, а тоже благодаря своеобразной выѣздкѣ: на всемъ скаку остановиться, сдѣлать крутой поворотъ—все это считается молодецествомъ, удалью, но все это не можетъ не отзываться на ногахъ коня. Къ тому же неуравновѣшенная лошадь и не въ состояніи выкинуть такую нитку, какія выкидываютъ невзрачныя и лихія казачкія лошаденки: попробуйте-ка нашу вышколенную лошадь сразу остановить на всемъ скаку, такъ чтобы она проѣхала сажени двѣ на хвостъ!... И еще хотите, чтобы такой фокусъ не сказался въ крестцѣ и въ заднихъ ногахъ! Припомните кстати, какую трудную и часто цѣвидную службу несетъ нашъ казакъ: гдѣ его нѣтъ? и въ дальнихъ разѣздахъ, и на аванпостахъ, и на разныхъ посылкахъ. Пусть бы попробовали распорядиться такимъ образомъ съ „регулярными“: тутъ не только оказались бы лошади разбитыя на ноги, а и просто переколѣво бы ихъ на половину!

Нѣкоторые, впрочемъ, приписываютъ разбитость казачьихъ лошадей единственно уздечкѣ. На уздечкѣ—говорятъ они—лошадь держитъ голову кверху, вслѣдствіе чего выгибается спина, являются „сѣдливость“ и затѣмъ слабость ногъ. На мундштукѣ наоборотъ: лошадь въ сборѣ и оттого сгорбливается, что придаетъ упругость и силу ея спинѣ. Поэтому задача первоначальной выѣздки должна состоять въ томъ, чтобы поднять шею лошади на столько, чтобы спина ея сдалась нѣсколько подъ тяжестью всадника, а не била ему груди, и затѣмъ собрать голову на столько, чтобы дать спинѣ возможность безъ вреда выносить такую тяжесть, какъ всадникъ съ принадлежностями. Но очевидно, что этихъ условій можно достигнуть точно такъ же уздечкой, какъ и мундштукомъ; для сбора головы съ успѣхомъ можетъ служить такъ называемый *живой мартингалъ*: поводья, прикрѣпленные къ подпругѣ и проходящіе сквозь кольца удила.

Самое лучшее въ дѣлѣ выѣздки руководствоваться есте-

(*) Заимствовано такъ же.

ественными законами: природа — лучший учитель. Чѣмъ рациональнѣе, чѣмъ проще и ближе къ природнымъ свойствамъ лошади будутъ требованія, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ обученіе. Никто, конечно, не скажетъ, что верховая, самая тонкая ѣзда есть какой нибудь фокусъ-покусъ.

Движенія лошади и повороты на ходу основываются на вѣчныхъ законахъ равновѣсія: сядьте на свѣжую, нетронутую выѣздкой лошадь, и вы увидите, что когда вы подаете свой корпусъ впередъ, лошадь учащаетъ ходъ, чтобы приноровить центръ тяжести вашего тѣла между своихъ четырехъ ногъ; отклоните корпусъ назадъ — лошадь уменьшаетъ ходъ; повернитесь корпусомъ полъ-оборота направо и слегка склонитесь на эту сторону — лошадь сама завернетъ направо. Это и называется *управлять корпусомъ*. Въ нашей манежной ѣздѣ этотъ способъ играетъ непоследнюю роль при всѣхъ эволюціяхъ; казаки же преимущественно его придерживаются.

Мы можемъ привести нѣсколько разительныхъ примѣровъ, гдѣ полки выступали въ походъ на совершенно почти невѣжественныхъ коняхъ и все-таки были не хуже другихъ — доказательство, что для дѣла, для боя надобно весьма немного.

„Въ 1828 году третья гусарская дивизія (*) потеряла всѣхъ своихъ лошадей. Въ этомъ же году, на зимнихъ квартирахъ въ Молдавіи, прибыло по два резервныхъ эскадрона въ каждый полкъ, и сами полки вунули по 200 лошадей, *которыя были признаны табунами (**)* въ первыхъ числахъ января 1829 года, а въ послѣднихъ числахъ апрѣля полки выступили въ походъ подъ Шумлу. Когда тронулись съ квартиръ, *большая часть лошадей села лошадей въ поводу*, чтобы познакомить ихъ съ тяжелымъ вьюкомъ. На половинѣ перехода кто могъ, тотъ сѣлъ... На слѣдующихъ переходахъ многіе начали пристраиваться и постепенно составляли шеренги; когда же перешли Дунай, то эскадроны были уже регулярными. Мундштуки были во рту лошадей съ перваго перехода, но пѣпки пристегнуты не были, чтобы мундштукъ не составлялъ рычага; поводья мундштучныя и трензельныя были всѣ вмѣстѣ въ одной рукѣ.“

Въ послѣднюю кампанію, передъ высадкой союзниковъ въ Крымъ, сформированъ былъ маршевой уланскій полкъ изъ ре-

(*) „Военный Сборникъ“ 1858 г., № 2. „Снаряженіе кавалеріи“.

(**) До 1812 года это былъ обыкновенный способъ привода ремонтвъ въ армейскіе полки.

зерновъ шести кавалерійскихъ дивизій: „рекруты годового срока, лошади были тоже молодыя; на нѣкоторыхъ изъ нихъ надѣты были во время похода *въ первый разъ мундштуки*“ (*).

„Въ нашемъ полку — говоритъ авторъ названной статьи — обнаружилось вполнѣ, какъ важно приученіе лошадей къ постояннымъ трудамъ и *неломаніе ихъ, неизбѣжно сопряженное съ упомянутою выѣздкою*. Съ самаго начала похода, до Николаева, куда до высадки непріятеля направленъ былъ нашъ полкъ, мы шли обыкновенными переходами съ дневками, такъ что и люди и лошади приучались къ труду постепенно. Въ Крыму же мы дѣлали походъ форсированно, безъ дневковъ, по 50 верстъ ежедневно. Несмотря на то, мы пришли на мѣсто неизуренные; лошади были свѣжи и въ хорошемъ тѣлѣ, люди здоровы; вообще, во все время нашего пребыванія въ Крыму, не было полка, *идь бы меньше нашего было больныхъ и больше быстрыхъ* и въ хорошемъ тѣлѣ лошадей.“

Это говоритъ очевидецъ, незаинтересованный видѣть всѣ вещи непременно въ томъ или въ другомъ свѣтѣ, нестарающійся подводить всѣ факты подъ заранее составленные выводы. Вотъ вамъ лошади, неразвитыя *иммастикой*, т. е. выѣздкой-ломкой, *неуравновѣшенныя*: онѣ служатъ лучше всякихъ уравновѣшенныхъ. Если бы ихъ предварительно поломали, *чтобы испытать, на сколько они годны для службы*, навѣрное четверть ихъ не вынесла бы и похода, а остальные едва были бы годны для службы. „Извѣстно, что кавалерія никогда почти не оканчиваетъ кампанію на тѣхъ же лошадяхъ, которыхъ приготавливали для парадовъ въ мирное время.“ (**)

Здѣсь дѣло идетъ, конечно, о кампаніи продолжительной; но и это не противорѣчитъ сказанному нами относительно большей убыли въ людяхъ: солдатъ нѣсколько разъ убываетъ изъ фронта и, выздоровѣвъ, снова возвращается, такъ что *убылъ* еще не значитъ *умеръ*; лошадь же крѣпче держится, но за то чаще выбываетъ безвозвратно. Оттого въ данный моментъ лошадей налицо всегда больше, нежели людей.

Галопы, какъ уже сказали, мы не признаемъ. Если его исключить изъ числа учебныхъ аллюровъ, то кавалерія избавится отъ значительныхъ трудовъ, которые теперь совершенно

(*) „Военный Сборникъ“ 1859 г., № 7. „Воспоминаніе о балаклавскомъ дѣлѣ 13-го октября 1854 года“. *Корибутъ-Кубитовича*.

(**) „Военный Сборникъ“ 1858 г., № 2. „Снаряженіе кавалеріи“.

непроизводительно затрачиваются только для того, чтобы приучить лошадь идти непременно съ той или съ другой ноги. Между тѣмъ, для непріятели опасна только *быстрота* нашихъ коней; а какая ужъ быстрота у лошади, уставшей на галопѣ!

Карьеръ менѣе утомителенъ, потому что тяжесть лошади и всадника меньшее время лежитъ исключительно на какой-нибудь изъ заднихъ ногъ, какъ на галопѣ. Замѣчено также, что табунная лошадь, ни разу небывшая подъ сѣдломъ, всегда начинаетъ скакать *съ лѣвой ноги*; точно также почти всякая вывѣзленная лошадь охотнѣе и лучше идетъ галопомъ съ лѣвой ноги, и если вы подымете ее съ правой, а потомъ перейдете въ карьеръ, то лошадь рано или поздно непременно сдѣлаетъ *перебой* и пойдетъ съ лѣвой. Кромѣ того, каждый можетъ замѣтить, что лѣвый поводъ лошадь чувствуетъ лучше праваго — словомъ, лошадь какъ будто *лѣва*. Но это происходитъ вовсе не потому, чтобы лѣвая сторона лошади была сильнѣе развита, а совершенно наоборотъ. При галопѣ *справа*, вся тяжесть ложится на *лѣвую* заднюю ногу, а при галопѣ *слѣва* — на *правую*. Если допустимъ предположеніе, что правая половина у лошади сильнѣе (*); то очевидно, почему она предпочитаетъ ходить *слѣва*. Лѣвый поводъ чувствуется болѣе, потому что мускулы лѣвой стороны шеи слабѣе и уступаютъ силѣ руки скорѣе правой.

Итакъ, намъ рѣшительно все равно, съ какой бы ноги лошадь ни пошла, лишь бы пошла: намъ надобна *сущность дѣла* — быстрота, а не форма, не внѣшность, не обертка.

Занятія гимнастикой въ кавалеріи почти излишни (**): кавалеристу почти никогда не придется преодолевать мѣстныхъ препятствій собственною особою, а для простаго укрѣпленія силъ и развитія ловкости служатъ весьма хорошо верховая ѣзда, вольтижированіе, да носка для своей лошади фуража. Образование кавалериста такъ сложно, требуетъ такъ много времени сравнительно съ образованіемъ пѣхотинца, что отнимать у него лишній часъ на занятіе гимнастикой, по нашему мнѣнію, вовсе *не* полезно: кавалеристъ и безъ того, по

(*) Это весьма возможно: у человека почти всегда правая рука сильнѣе лѣвой, правая нога больше лѣвой. Известно, что сапожникъ всегда снимаетъ мѣрку съ правой ноги.

(**) По нашему мнѣнію, гимнастика, развивающая физическую силу и ловкость, далеко небезполезна для кавалериста. Ред.

большей части, развязнѣе и ловче пѣхотинца. Да притомъ гимнастическія машины вовсе не приспособлены къ естественнымъ препятствіямъ. Гораздо полезнѣе вольтижированіе, которое пріучаетъ людей *жить на сдѣлѣ*, какъ у себя дома. При этомъ не надобно бояться увлеченій: пусть вольтижированіе перейдетъ въ акробатство, пусть солдатъ выдѣлываетъ самыя опасныя штуки: это развиваетъ молодечество, удалъ, презрѣніе къ опасности и притупляетъ чувство самосохраненія. Польза громадная. Припомнимъ, что Зейдлицъ заставлялъ свою кавалерію проскакивать подъ крыльями вѣтряной мельницы и самъ продѣлывалъ эту штуку до глубокой старости.

Въ последнее время начали появляться мнѣнія противъ обученія фехтованію вообще и противъ метода обученія въ частности. Одни находятъ умѣнье фехтовать болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, на томъ основаніи, что „умѣющая фехтовать кавалерія больше парируетъ, чѣмъ рубитъ“ (*); другіе говорятъ, что „въ бою только тотъ бьетъ, кто не столько заботится о собственной защитѣ, сколько о томъ, чтобы нанести ударъ“ (**). Оба эти мнѣнія совершенно справедливы, и кто наблюдалъ иногда наши „ассо“, тотъ не могъ не замѣтить, что наступательно дѣйствуетъ всегда тотъ, кто менѣе надѣется на свое искусство, и нерѣдко первый ударъ попадаетъ именно болѣе искусному бойцу. По-настоящему слѣдовало бы закончить ассо *первымъ* ударомъ, который можетъ быть признанъ *смертельнымъ*: тогда каждый боецъ интересовался бы болѣе ударомъ, чѣмъ парадомъ, и цѣль фехтованія становилась бы опредѣленнѣе; а то вѣдь „мирная логика обращаетъ фехтованіе *въ искусство* отраженія ударовъ съ возможностью ихъ нанести“ (***)). А не то болѣе искусный боецъ все-таки въ ассо останется побѣдителемъ, несмотря на два-три добрыхъ удара, имъ полученныхъ; отсюда неувѣренность въ себя *большинства* солдатъ. Такимъ образомъ, фехтованіе, развивая въ солдатѣ ловкость, въ то же время уничтожаетъ въ немъ довѣріе къ себѣ. Да и самая метода совершенно непрактична и годна только для смотровъ, а не для боя. Въ самомъ дѣлѣ, что нужно сдѣлать, приготовляясь драться съ противникомъ? прежде всего сѣсть ан-гардъ.... Интересно бы было посмотреть, какъ

(*) „Военный Сборникъ“ 1862 г., № 2. „Кавалерійскіе очерки“.

(**) „Оружейный Сборникъ“ 1864 г., № 1. „Лекція тактики“, Драгомирова.

(***) Тамъ же.

это сидишь ан-гардь, сойдясь съ *настоящимъ* врагомъ! Далѣе; по правиламъ фехтовальнаго искусства, вы не имѣете права бить противника не отнарировавъ предварительно его удара; выражаясь технически, нельзя бить „черезъ ударъ“. Это не точникъ вѣчныхъ споровъ между фехтующими, а главное — совершенно непрактическое правило: *во-первыхъ*, въ бою считается ся съ противникомъ не будешь — здѣсь кто побилъ, тотъ и правъ; *во-вторыхъ*, бой, и въ особенности кавалерійскій, оканчивается такъ скоро, что врядъ-ли удастся дать противнику даже и одинъ ударъ — гдѣ ужъ тутъ думать о парированіи; *въ-третьихъ*, если я вижу, что противникъ бьетъ меня по ногѣ, отчего мнѣ не бить его въ это время въ голову? Вѣдь мой ударъ дѣйствительно: я буду только раненъ, тогда какъ противникъ мой будетъ убитъ. Теперешній способъ фехтованія пріучаетъ только бояться каждаго удара и беречь свое тѣло отъ всякой царапины. Въ бою тотъ остается побѣдителемъ, кто бьетъ, а не тотъ, кто парируетъ; бьетъ же тотъ, кто не очень заботится о своей собственной кожѣ и знаетъ, что все равно парировать и не успѣешь, и не съумѣешь. Отсюда вытекаетъ тотъ простой выводъ, что кавалериста вовсе не надобно доводить до тонности фехтованія; гораздо важнѣе научить его рубить какъ *слѣдуетъ*, а не плашмя, какъ это случается сплошь и рядомъ. Кто видѣлъ одиночные „ассѣ“ нашихъ солдатъ, тотъ, вѣроятно, замѣтилъ, что у обоихъ соперниковъ весьма скоро сабли сгибаются кочергой, а если сталь довольно хрупка, то и ломаются. Причина этого именно ударъ плашмя. Ударъ плашмя происходитъ вслѣдствіе дурнаго устройства рукоятки; неравномѣрнаго распредѣленія вѣса въ дужкахъ ефеса и отъ неумѣнья бить. Рукоять не должна быть очень кругла, а не то будетъ вертѣться въ рукѣ; ее надо сдѣлать болѣе плоскою; дужки ефеса тоже заставляютъ саблю перевертываться; въ чемъ легко убѣдиться, положивъ саблю на обухъ или лезвее въ точку равновѣсія; наконецъ, если для удара нѣтъ видимой цѣли (какъ при приемахъ), или если при фехтованіи съ противникомъ будутъ обращать главное вниманіе на *звукъ* удара, а не на *смыслъ* его, то солдатъ пріучится бить *какъ придется*, а не *какъ слѣдуетъ*. Бить какъ придется гораздо легче, особенно при „рипостахъ“, гдѣ требуется необыкновенно быстрый ударъ. Кромѣ того, ударъ плашмя по нагруднику отличается особенною звучностію, и люди, мало понимающіе

дѣло, еще похвалать за ловкій и сильный (по ихъ мѣрѣ) ударъ.

Переходя къ частностямъ, мы должны упомянуть, что требованіе отдергивать пику назадъ послѣ укола возможно еще исполнить при одиночномъ бою, гдѣ пика не подъ мышкой, а въ рукѣ; но въ стычкѣ сомнутаго строя, гдѣ все вниманіе солдата обращено только на то, чтобы провизать противника и самому усидѣть въ сѣдлѣ, едва-ли возможно будетъ вытаскивать пику изъ проколотаго непріятеля, который, при паденіи, унесетъ съ собой и пину. Въ такомъ случаѣ нечего жалѣть пика: она сдѣлала свое дѣло, и въ этотъ моментъ, то есть въ самой сѣчѣ, въ тѣснотѣ, была бы только помѣхой. При преслѣдованіи тоже не придется отдергивать пину, потому что ударъ ея въ догонку не такъ силенъ и уходящій противникъ самъ соскочитъ съ коня.

Въ нашихъ приемахъ пигой есть совершенно ненужный ударъ: это ударъ направо назадъ. Ударъ этотъ можетъ имѣть мѣсто только вслѣдъ проскакавшему мимо противнику или навстрѣчу, преслѣдующему; но въ первомъ случаѣ, въ моментъ удара, лошади обоихъ противниковъ отнесутъ ихъ другъ отъ друга покрайней мѣрѣ на сажень, слѣдовательно ударъ придется по воздуху; во второмъ случаѣ пина тоже не идетъ дальше крупа лошади; непріятелю нетрудно уклониться; кромѣ того онъ, вѣроятно, возьметъ *львою сторону*; да наконецъ отбить пику, которую держатъ *ножями вверхъ*, не представляетъ никакого труда. Итакъ, ударъ направо назадъ ненуженъ; да онъ еще и неудобенъ въ томъ отношеніи, что никогда не обойдется безъ приключеній: то задѣнетъ солдатъ себя за ногу и опоздастъ приемомъ, то съ-размаху угодитъ по лошади.

Мы сказали уже, что, при обученіи дѣйствию саблей, прежде всего надо обращать вниманіе на вѣрность удара; но это еще недостаточно: одно изъ необходимыхъ условій хорошаго удара—это точное опредѣленіе разстоянія до противника: хватить ли до него сабля? Глазомѣръ при рубкѣ важная вещь: ошибись на два, на три вершка—и ударъ придется по воздуху. Во всякомъ же случаѣ, неловкость не останется безнаказанною. Значитъ, въ бою *холоднымъ* оружіемъ глазомѣръ еще важнѣе, чѣмъ при стрѣльбѣ: тутъ ошибся—теряешь задаромъ пулю, ошибся съ саблей—потерялъ голову.

Дѣйствуя саблей, мы предпочитаемъ рубить, а не колоть,

потому что для рубки не требуется столько искусства, хотя за то и требуется больше силы. Широкий размах руки при ударе плеча какъ-то больше увеличиваетъ энергію, да и ударъ всегда сильнѣе укола, потому что въ первомъ случаѣ тяжесть оружія дѣне помогаетъ силѣ удара, тогда какъ во второмъ все зависитъ отъ одной руки и тяжесть оружія парализуетъ часть силы. „Мы знаемъ много разказовъ о необыкновенныхъ сабельныхъ ударахъ и, напротивъ, весьма мало объ уколахъ“, говоритъ Гристейтъ. Кроме того, если удалось проволочь противника, надо какъ можно скорѣе выдернуть саблю, а не то можно повредить себѣ руку: вывихъ кисти естественное слѣдствіе такой оплошности, особенно если еще сабля надѣта на темлякъ.

Извѣстно, что всѣ восточные народы отличаются особеннымъ уваженіемъ къ холодному оружію, которое въ ихъ рукахъ имѣетъ довольно опасное значеніе. Съ дѣтства привыкнувъ къ саблѣ, практикуясь иногда на домашнихъ животныхъ, воинственный народъ отлично владѣетъ саблей, которою не столько рубить, сколько *рѣжетъ*: это дѣлается такимъ образомъ, что послѣ удара руку тотчасъ одергиваютъ назадъ. Де-Браккъ объясняетъ эту сноровку тѣмъ, что „воинское остріе есть болѣе или менѣе тонкая пила, которая сильнѣе всего дѣйствуетъ только при *горизонтальномъ* движеніи по тѣлу. Чтобы достигъ такого результата, въ моментъ удара отнимите руку назадъ — вотъ тайна страшныхъ сабельныхъ ударовъ, наносимыхъ мамелюками“. Принимая это объясненіе за удовлетворительное, мы все-таки остаемся при убѣжденіи, что тяжкія раны и увѣчья причиняются, во-первыхъ, *усердіемъ*: „хватишь изъ всей силы — и есть“; во-вторыхъ, много значить еще хорошій клинокъ, отточенный какъ бритва.

Мы потому и поставили достоинства клинка на второй планъ, что и съ посредственными клинками, но съ великимъ усердіемъ можно приводить въ окончательную негодность своего противника: припомнимъ удары нашей кавалеріи двѣнадцатаго и тринадцатаго годовъ, когда не рѣдкость было встрѣтить удары, раздѣлявшіе человека „въ крайнемъ и среднемъ отношеніи“, отъ плеча до пояса, а иногда и пополамъ отъ головы до сѣдла!

Конечно, тутъ *сила*; да вѣдь и *усердіе* значитъ не малое! И еще тогда клинки были не чета нынѣшнимъ.... Говорятъ, будто теперь ужъ и люди не тѣ: не бойтесь, русскій

народъ еще не скоро выродится... Да и за доказательствами недалеко ходить: балаклавское дѣло показало англичанамъ, а курюгъ-даринское и бангъ-кадыкъ-ларское туркамъ, что русскіе, Богъ ихъ суди, все-такиѣ же, какъ и прежде. *Классическіе* удары нижегородцевъ надолго останутся памятными турецкимъ затылкамъ. Англичане, кромѣ рубцовъ, унесли съ собою еще и чувство негодованія на русскихъ, съ которыми, какъ упрекали потомъ плѣнные англичане, „совсѣмъ нельзя драться, потому что они дерутся *по-мужицки, все въ лицо*“ (*).

Ужъ не прогнѣвайтесь—какъ умѣемъ... Къ тому же, каждый изъ насъ привыкъ считать голову наиболее дорогою и наиболее слабою (въ отношеніи прочности) частию тѣла, а потому каждый привыкъ думать, что ударъ въ голову можетъ привести къ лучшимъ результатамъ; тѣмъ болѣе, что у другаго подъ платьемъ можетъ быть и кольчуга: зачѣмъ же напрасно тупить саблю. Древняя исторія тоже представляетъ примѣры, что варвары въ бою съ цивилизованными народами старались бить въ лицо, замѣтивъ, какъ берегли свою физиономію эти обабившіеся франты, предпочитавшіе бѣгство, готовые на всякое униженіе, лишь бы смести свою физиономію отъ несчастія быть исковерканною.

Искусство фехтовать не важно для кавалеріи и въ томъ смыслѣ, что собственно *боевое* оружіе, наносящее ударъ и опрокидывающее непріятеля, вовсе не сабля, не пика и не карабинъ, а *конь*... И это не покажется парадоксомъ, если припомнимъ, что свалка, рукопашный бой — рѣдкость, что чаще одна изъ сторонъ бываетъ опрокинута до столкновенія, такъ что до сабель дѣло не доходитъ, а если и приходится употребить холодное оружіе, то почти исключительно при преслѣдованіи, когда *фехтовать* не нужно, а надо умѣть только *рубить*. Мы приведемъ здѣсь два весьма разительные примѣра удачныхъ кавалерійскихъ атакъ съ саблями въ ножнахъ или и безъ сабель. „Двумъ французскимъ карабинернымъ полкамъ приказано было атаковать нѣсколько линій непріятельской кавалеріи... По командѣ: „сабли вонъ!“ никто изъ карабинеровъ не показалъ даже и вида, что думалъ исполнить это приказаніе; вторая команда также осталась безъ исполненія; наконецъ начальство... произвело атаку, не вынимая сабель изъ

(*). Такой же упрекъ заслужили когда-то македоняне отъ цивилизованныхъ людей. Батва при Фарсалѣ тоже замѣчательна въ этомъ смыслѣ.

ноженъ. Первая непріятельская линія была опрокинута, точно такъ какъ и вторая, и только ворвавшись въ третью карабинеры обнажили сабли.“ (*)

Еще интереснѣе примѣръ даетъ намъ итальянская кампанія 1797 года. Австрійцы осаждали Мантую. 14-го сентября Массена атаковалъ ихъ врасплохъ. Австрійцы такъ мало ожидали атаки, что почти вся кавалерія ихъ была въ это время на водопоѣ... Раздумывать было некогда, и потому австрійская кавалерія, прямо съ водопоя, воротилась галопомъ *безъ узды и сѣделъ*, кинулась на французовъ и опрокинула ихъ.

Итакъ, *главное оружіе кавалериста—его конь*. Если конь хорошъ—сиди крѣпко, ничего на свѣтѣ не бойся, и никакая сила тебя не одолѣеть.

Говоря объ употребленіи сабли, нельзя не упомянуть о существующемъ правилѣ: выставлять саблю передъ собою по командѣ „маршъ-маршъ“ или по сигналу къ атакѣ. Пока проскачешь триста шаговъ, рука просто онѣмѣетъ; тутъ потеряешь не только энергію и „свѣжесть впечатлѣнія“, но даже и силу. Въ шведской кавалеріи сабля вынимается только по командѣ „маршъ-маршъ“. Кстати напомнимъ, что для сохраненія силы въ рукѣ необходимо имѣть широкіе, просторные рукава.

Вопросъ о фехтованіи заключимъ желаніемъ, чтобы солдаты учили первоначальнымъ приѣмамъ и рубкѣ *настоящими* саблями, а бою съ товарищемъ не иначе, какъ нарочно-приготовленными для того эспадронами, и отнюдь не допускать вмѣсто этого деревянныхъ палокъ, потому что на палкѣ нѣтъ ни обуха, ни лезвья: какъ ни ударъ, все будетъ ударъ, и солдаты не приучаются къ главному правилу—рубить непременно ребромъ, а не плашмя. Къ тому же переходъ отъ *легкой* палки къ *тяжелой* саблѣ довольно ощутителенъ; упражненіе съ палкой не prepares къ саблѣ, и только даромъ тратится время. Древніе поступали совершенно наоборотъ: приучаясь ко всѣмъ военнымъ упражненіямъ, „они метали въ цѣль дротики, *превосходившіе тяжестью* обыкновенное оружіе. Это упражненіе, доставлявшее имъ способность наносить мѣткіе удары, укрѣпляло ихъ мышцы и увеличивало ихъ силу“ (**).

Фехтующіе часто приходятъ въ азартъ и съ ожесточеніемъ

(*) „Военный Журналъ“ 1843 г., № 3. „Объ употребленіи кавалеріи въ сраженіяхъ“.

(**) Макіавелли.

полотятъ другъ друга, забывая всѣ правила. Это — лучшее доказательство, что правила не нужны. „Tout cela s'en va au diable une fois qu'on est devant l'ennemi“, говорятъ французы (*).

Объ употребленіи кавалеріею огнестрѣльнаго оружія мы уже достаточно высказались; здѣсь скажемъ только, что ужь если *надобно* кому-нибудь *стрѣлять* съ коня, такъ вѣроятно *надобно* и *попасть*, а для этого необходимо умѣнье, главное же — счастье.

Пародируя слова Недженъ-Эддина (**), относившіяся къ одному изъ зажигательныхъ орудій, мы скажемъ наѣзднику: „пали—ты попадешь, если это угодно Богу!“ Въ нашей линейной кавалеріи на стрѣльбу обращается весьма мало вниманія; на огнестрѣльное оружіе смотрятъ какъ на обузу и вовсе его не дѣлютъ. Бывали примѣры, что на аванпостахъ наша кавалерія не вынимала карабиновъ, разсуждая, что это, во-первыхъ, бесполезно, а во-вторыхъ оружіе отъ сырости портится. Мы, съ своей стороны, совершенно согласны съ такимъ мнѣніемъ, и оно подсказано боевымъ опытомъ; но не надобно упустить изъ вида, что на аванпостахъ огнестрѣльное оружіе весьма важно, какъ сигнальный аппаратъ. Небрежность обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ доходила до того, что во многихъ полкахъ, въ видахъ сбереженія свинца, употреблялись *глиняныя*, скатанныя съ конскимъ волосомъ пули... Да еще и не изъ простаго карабина, а изъ *наръзныхъ* штуцеровъ!... Прежде вообще не обращалось на стрѣльбу особеннаго вниманія и оружіе существовало только для приемовъ. Учебныхъ припасовъ отпускалось крайне мало, и войска иногда получали ихъ какъ бы въ награду за хорошій смотръ, какъ это случилось съ драгунами въ 1834 году подъ Орломъ, гдѣ имъ подарено было по 30 патроновъ.

Черезъ три года въ Вознесенскѣ былъ новый смотръ, и стрѣльбой драгуновъ остались очень довольны, потому что они „упражнялись передъ тѣмъ два года на счетъ высочайшаго подарка подъ Орломъ“, говоритъ правдивый очевидецъ (генералъ Броневскій, въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1858 г., №№ 76 и 152).

Для распространенія въ кавалеріи свѣдѣній о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи есть два средства: инструкторы изъ стрѣл-

(*) Все это пойдетъ къ чорту, какъ только сойдешься съ непріателемъ. „Военный Сборникъ“ 1864 г., № 3. „Причины успѣховъ французской арміи въ итальянскую кампанію 1859 г.“

(**) „Искусство сражаться“, 1280 года. Арабская рукопись, открытая въ нашей публичной библиотекѣ.

новой офицерской школы и елисаветградское кавалерійское училище; но въ офицерскую стрѣлковую школу улановъ и гусаровъ не допускали, а елисаветградское училище до сихъ поръ еще не успѣло принести большой пользы въ этомъ отношеніи.

Наѣздники во время перестрѣлки дѣлають разными движеніями, чтобы не служить цѣлю для непріятеля — говоритъ нашъ уставъ. Предосторожность совершенно излишняя: это, по нашему мнѣнію, даже лучший способъ подвернуться подъ пулю. Не надобно забывать, что если наши наѣздники открыли огонь, то вѣрно не противъ пѣхоты, съ которою имъ не тягаться, а противъ кавалерійской же цѣпи, которая, конечно, стрѣляетъ не лучше нашего, и если въ кого попала пуля, такъ значитъ на роду такъ написано, слѣдовательно юлить передъ непріателемъ не стоитъ: только напрасно утомляешь и горячишь коня, а силы коня могутъ еще понадобится. Вообще цѣль учрежденія наѣздниковъ для насъ не совсѣмъ понятна: наносить вредъ непріятелю своими выстрѣлами они не могутъ; удержатъ непріятельскихъ офицеровъ, высматривающихъ наше расположеніе на почтительной дистанціи, тоже не могутъ, потому что никто не мѣшаетъ непріятелю выставить болѣе сильную цѣпь. Единственное разумное употребленіе наѣздниковъ — это задрать пѣхоту съ цѣлю испытать ея терпѣніе, а слѣдовательно ея боевыя качества (совѣтъ маршала Бюжо). Главнымъ же назначеніемъ ихъ должно было бы быть осматриваніе впереди лежащей мѣстности и увѣдомленіе своего эскадроннаго командира о встрѣчаемыхъ препятствіяхъ — словомъ, роль проводниковъ, освѣщающихъ вашу дорогу (*).

Отъ одиночнаго обученія перейдемъ къ обученію частей. Прежде всего скажемъ, что мы имѣемъ въ виду только то, что дѣйствительно нужно для боя; но за то мы бы потребовали отъ кавалеріи *все*, что можетъ встрѣтиться въ военное время, а встрѣтиться можетъ очень многое. Главное назначеніе кавалеріи: атака и аванпостная служба — отсюда продолжительныя движенія по прямому направленію и по всякой мѣстности, пріученіе къ сомкнутымъ движеніямъ и преодоленію препятствій цѣлымъ фронтомъ. Извѣстно, какъ разстроивается кавалерійскій фронтъ, если ему достается идти по нахатному полю, особенно

(*) Съ второй точки зрѣнія цѣль учрежденія наѣздниковъ дѣлается вполне ясна и понятна.

когда борозды приходятся не параллельно и не перпендикулярно къ фронту, а нѣсколько вкось; съ развитіемъ же культуры намъ чаще придется ходить по пахати, чѣмъ по степи. Известно также, какъ озадачиваетъ кавалерію всякій вздоръ, даже какая-нибудь канавка, и не потому вовсе, чтобы ее нельзя было перескочить, а потому, что массой скакать не приучены. Кроме того моментъ, удобный для атаки, можетъ застать нашу кавалерію въ порядкѣ не вполне благопріятномъ—напримѣръ, въ походныхъ колоннахъ—отсюда необходимость приучать атаковать и въ колоннахъ и справа рядами. На войнѣ вѣдь *все* можетъ случиться: пробираться, напримѣръ, черезъ плотину и тотчасъ броситься на непріятеля — атака справа по три или рядами.

Какъ поучительные примѣры можно указать: знаменитую атаку польской кавалеріи при *Соммо-сіерь* въ колоннахъ по четыре, атаку польской же кавалеріи Скаржинскаго въ сраженіи при *Дембе-Вельке* въ колоннахъ по шести черезъ мостъ и по шоссе. Русская кавалерія также представила блистательный примѣръ въ сраженіи на *Винбургской косѣ* (1787 года, 30-го сентября), гдѣ одинъ драгунскій (Петербургскій) и два легкоконныхъ (Маріупольскій и Павлоградскій) полка, прибывъ на рысяхъ изъ-за 40 верстъ, кинулись, по тѣснотѣ мѣста, *походною колонною* на турецкій фронтъ и совершенно уничтожили турокъ, при посредствѣ казаковъ, атаковавшихъ въ то же время по отмелямъ съ фланговъ.

Еще случай: непріятель показался какъ-нибудь неожиданно (хоть изъ-за лѣса) впереди и нѣсколько правѣ насъ — лучше всего скомандовать: полъ-оборота направо, маршь-маршь! Людей же приучить въ такихъ случаяхъ выравниваться *трудно* по фланговому человѣку, а *не черезъ плечо*, какъ при обыкновенномъ облическомъ движеніи. Такое построеніе скорѣе окончится, чѣмъ условный заѣздъ плечомъ; а при атакѣ каждая секунда стоитъ крови.

Ничто такъ не разстроиваетъ кавалеріи, какъ удачная атака, потому что люди, войдя въ азартъ, уже не слушаютъ команды и рвутся доконать противника: благо рука расходилась. Преслѣдованіе увлекаетъ ихъ иногда такъ далеко, что потомъ, въ продолженіе цѣлаго боя, ихъ всѣхъ не соберешь нигомимъ образомъ (*). Напротивъ того, опрокинутая кавалерія несется

(*). Примѣры: подъ *Гагелсбергомъ* въ 1813; подъ *Балаклавой* 1854; подъ *Курюкъ-Дара* и многое множество другихъ.

къ своимъ въ безпорядочной толпѣ и хотя тоже не очень слушаетъ команды, но, по крайней мѣрѣ, остается въ рукѣ. Вотъ почему мы имѣли полное основаніе сказать, что *кавалерія — оружіе хрупкое и скользкое*: разъ его выпустилъ изъ рукъ, не скоро уже приведешь въ порядокъ. Отсюда необходимость приучать людей собираться изъ разсыпнаго строя и выстраиваться по аппелю позади эскадроннаго командира, какъ это уже введено почти во всей нашей кавалеріи бывшимъ командиромъ резервнаго кавалерійскаго корпуса, барономъ Офенбергомъ.

Другой практическій способъ приученія собираться послѣ отбитой атаки придуманъ былъ генераль-лейтенантомъ Граббе еще въ тридцатыхъ годахъ, но, какъ и многое другое, забытъ. Ученье дѣлалось такъ: дивизионъ кавалеріи съ конной батареей въ-разсыпную и карьеромъ мчится на наступающія галопомъ кавалерійскія линіи — кто не попалъ въ интервалъ, для того вздваивали ряды и пропускали за фронтъ. Это слѣдовало бы ввести въ уставъ; а то съ перемѣной начальника всѣ его требованія дѣлаются необязательными, и кавалерія бросаетъ дѣльные упражненія, ожидая отъ новаго начальника и новыхъ наставленій. Такъ былъ забытъ и суворовскій способъ обученія войскъ.

Исходя изъ условій чисто-боевыхъ, наши требованія, конечно, не могутъ ограничиться узкою рамкой нашихъ уставныхъ построеній и движеній: мы желали бы достигъ путемъ мирнаго обученія такихъ результатовъ, чтобы нашъ кавалерійскій солдатъ не потерялся ни при какихъ обстоятельствахъ. А обстоятельства разнообразятся до безконечности. Понятно, что солдатъ, умѣющій быстро спѣшиваться, плавать, чинить и портить переправы и прочее, гораздо болѣе будетъ увѣренъ въ себѣ, чѣмъ нашъ нынѣшній; поэтому, чтобы сдѣлать кавалерію вполне боевою и годною на всѣ руки, не мѣшало бы приучать ее переплывать болѣе или менѣе широкія рѣки, что не разъ приходилось испробовать нашимъ славнымъ партизанамъ двѣнадцатаго и тринадцатаго годовъ. Да и въ старину нашей кавалеріи доводилось брать ванны: на примѣръ, при поискахъ Суворова къ Туртукаю, когда карабинеры (Астраханскій и Ингерманландскій полки) переправились черезъ Дунай и потомъ, спѣшенные, штурмовали Туртукай. Подъ Рымникомъ переправились черезъ Сереть 5 полковъ и 800 арнаутовъ. Нынѣшнюю же кавалерію, пожалуй, можетъ остановить незначительная рѣченка черезъ которую переправа уничтожена отступившимъ непріате-

земь, какъ это случилось во время усмиренія польскаго возстанія 1830 года. Такъ подъ *Нурома* 2¹/₂ дивизіи кавалеріи были остановлены на три часа одною ротою польской пѣхоты, до прибытія нашей пѣхоты. Вотъ почему мы считаемъ нелишнимъ приучать кавалерію къ нѣкоторымъ работамъ, иногда неизбѣжнымъ и часто удобнымъ только для кавалеріи, по скорости, съ какою она можетъ поспѣть на мѣсто, и потому, что преслѣдованіе непріятели производится преимущественно кавалеріей. Разобранный или испорченный непріятелемъ мостъ не остановитъ нашу кавалерію, если при ней имѣется нѣсколько топоровъ и лопать; ждать же для этого саперовъ некогда. Уничтожить за собой переправу, испортить дорогу, исправить ее, все это можетъ понадобится въ особенности при партизанскихъ дѣйствіяхъ, которыя должны составлять спеціальность легкой кавалеріи.

При Петрѣ I драгуны имѣли при себѣ значительное количество шапкового инструмента: такъ, на 33,000 человекъ полагалось: топоровъ 26,400, лопать 3,300, кирокъ 3,300, всего 33,000 штуки, т. е. на каждаго солдата по одной (*).

Такое количество, очевидно, только затруднило бы кавалерію, такъ какъ ей никогда не можетъ встрѣтиться необходимость возводить какія-либо серьезныя и обширныя постройки. Намъ кажется, что на эскадронъ въ 80 коней достаточно было бы 20 топоровъ и 6 лопать; кирки же никогда не понадобятся, исключая развѣ горныя экспедиціи да траншейныя работы, на которыя кавалерія можетъ и не разсчитывать. Необходимо также научить кавалерію обращаться съ отбитыми у непріятели пушками, а также умѣнью приводить ихъ въ негодность.

Въ партизанской службѣ и вообще при дѣйствіи небольшими отрядами весьма возможны случаи, что отрядъ будетъ атакованъ или отрѣзанъ несоразмѣрно сильнѣйшимъ непріятелемъ. Есть два средства выйти *свѣстію* изъ бѣды: или пробиться, или *сбатовать* коней и дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ. Первый способъ рѣдко удается и всегда сопряженъ съ значительнымъ урономъ; второй способъ удается часто, если у непріятели нѣтъ подъ рукою пѣхоты или драгуновъ; но за то это средство отчаянное: надо много рѣшимости и стойкости, чтобы рискнуть на такой смѣлый подвигъ.

(*) „Обозрѣніе состава и устройства регулярной русской кавалеріи“ П. А. Иванова.

Сбатовка особенно употребительна у кавказских казаковъ и у черкесовъ, которыхъ научилъ этому самъ опытъ.

Въ нѣкоторыхъ полкахъ сбатовка доведена „до такой степени совершенства, что самыя лошади ложатся и образуютъ изъ себя какъ бы завалъ для стрѣлковъ“ (1).

Кому неизвѣстенъ геройскій подвигъ нашихъ славныхъ гребенскихъ казаковъ подъ начальствомъ Суслова 24-го мая 1846 года, у Акбулатъ-юрта, 80 гребенскихъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Суслова, были атакованы скопищемъ горцевъ, числомъ до *двухъ тысячъ* человекъ.... Казаки сбатовали лошадей, залегли за ними и открыли мѣткій огонь. Это дало имъ возможность продержаться до прибытія помощи ровно два часа. Укажемъ еще на недавній подвигъ уральцевъ подъ Иканомъ противъ конанцевъ. Французы въ Алжирѣ тоже съ успѣхомъ употребляли сбатовку: такъ въ 1844 году капитанъ *Фавасъ*, съ однимъ эскадрономъ, держался шесть часовъ противъ 800 человекъ регулярной кавалеріи эмира. Капитанъ алжирскихъ спаговъ *Питъ* держался также противъ 2,000 кабилловъ, пока не подоспѣлъ герцогъ Омальскій (2).

Понятно, что сбатовка возможна только для такой кавалеріи, которая вооружена саблей и ружьемъ, какъ наши драгуны и линейные казаки.

Чѣмъ пересѣченнѣе мѣстность, тѣмъ чаще будутъ представляться случаи для спѣшиванія; а потому необходимо приучать спѣшиваться и линейную кавалерію, тѣмъ болѣе, что на войнѣ *все* можетъ случиться, и за неимѣніемъ драгуна можетъ спѣшиться и гусарь: въ турецкую войну 1829 года, при осадѣ Шумлы, *александрійскіе гусары спѣшились и взяли штурмомъ* укрѣпленіе въ 6 орудій, занятое отборною турецкою пѣхотою. *Чугуевскіе казаки* ходили на штурмъ Орѣшка (3) (Шлиссельбурга), Очакова и Измаила (4).

Фридрихъ II, за день до сраженія при Лейтенѣ (1757), взялъ штурмомъ крѣпость *Неймарктъ спѣшенными гусарами*, въ числѣ тридцати эскадроновъ! Въ сраженіи при Сольферино, гусары Фонатерни спѣшились и заняли Кастель-Гофредо. Но довольно и этихъ примѣровъ.... Все это приводитъ насъ къ мы-

(1) „Военный Сборникъ“ 1860 г., № 10. „О строевомъ образованіи казаковъ“.

(2) „Военный Журналъ“ 1851 г., № 1. „О войнѣ въ Африкѣ“, Юсуфа.

(3) За услуги, оказанныя чугуевцами въ этомъ штурмѣ, Петръ I пожаловалъ имъ *красныя шапки* и велѣлъ именоваться „орѣшковскими“.

(4) Всего казаковъ было спѣшено для штурма 10,000.

если, что существованіе драгуновъ въ видѣ отдѣльныхъ боевыхъ частей не оправдывается потребностями войны: не всегда возможно ждать прибытія драгуновъ, и если есть подъ руками гусары, придется употребить и ихъ. Необходимость спѣшиться можетъ встрѣтиться каждому уланскому и гусарскому эскадрону. Въ этомъ случаѣ предложенная нами организація эскадрона (два крайніе взвода со штуцерами, какъ драгуны) заслуживаетъ вниманія нашихъ организаторовъ.

Кавалеристу такъ легко быть трусомъ, ему такъ нетрудно уходить отъ непріятеля, сваливая, пожалуй, всю вину на лошадь, что развитіе въ немъ нравственныхъ качествъ, приученіе къ строгой дисциплинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ извѣстной самостоятельности должно занимать, очевидно, самое главное мѣсто въ воспитаніи кавалериста. Нравственное воспитаніе находится въ непосредственной связи со многими условіями, которыя необходимо имѣть постоянно въ виду: соответствующее *обученіе* можетъ способствовать развитію лихости, удалства, презрѣнія опасности, то есть всего того, что соединяется въ понятіи о храбрости; соответствующее *воспитаніе* можетъ способствовать развитію чувства чести, благородной гордости, честолюбія, товарищества и дисциплины, то есть всего того, что соединяется въ понятіи о *духѣ* войска.

Кавалеристу нерѣдко, и, во всякомъ случаѣ, чаще, чѣмъ пѣхотинцу, придется дѣйствовать отдѣльно отъ своей части, когда онъ будетъ предоставленъ самому себѣ—отсюда необходимость развить въ людяхъ сметку, находчивость и извѣстную самостоятельность; но при всемъ этомъ надобно поставить и офицеровъ на ту высоту, которая бы дѣлала немислимымъ даже намекъ на какое-нибудь колебаніе или нерѣшительность нижнихъ чиновъ, какъ только раздалась команда офицера. Вотъ почему, въ настоящей главѣ, мы дали такое развитіе нѣкоторымъ, повидимому, отвлеченнымъ вопросамъ: никто, надѣмся, не скажетъ, что круговая порука, заповѣдь — выручать товарища и безоглядно идти за офицеромъ—есть условія неважныя для кавалерійскаго солдата. Точно также мы считаемъ совершенно нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ *обязанности* офицеровъ имѣть должное значеніе во фронтѣ.

Нашъ взводный командиръ завѣдываетъ взводомъ только на ученьяхъ, часто даже и не имѣетъ опредѣленнаго взвода и

командуетъ то тѣмъ, то другимъ, а потому не только не въ состояніи знать поименно всѣхъ солдатъ своего взвода, какъ это требуется уставомъ, но и вообще весьма равнодушно относится къ своимъ временнымъ подчиненнымъ, тѣмъ болѣе, что за нихъ и не отвѣчаетъ. Отвѣчаетъ взводный вахмистръ и, какъ лицо заинтересованное, безпрестанно поправляетъ своихъ солдатъ, дѣлаетъ имъ замѣчанія и выговоры, неся на присутствіе офицера—отсюда увеличеніе значенія унтеръ-офицера въ ущербъ значенію офицера. При такомъ условіи разумная дисциплина немыслима.

Надобно прибавить, что всѣ эти разговоры и покрикиванія унтеръ-офицеровъ ровно ни къ чему не ведутъ: вѣдь равеніе потеряется съ первымъ же шагомъ съ мѣста; за то солдатъ безпрестанно убѣждается, что „недремлющее оно“ его вахмистра не пропуститъ ему ни одного шага, тогда какъ офицеръ не обратитъ на него ни малѣйшаго вниманія.... Самое естественное слѣдствіе то, что и солдатъ обращаетъ все свое вниманіе исключительно на унтеръ-офицера....

А между тѣмъ за разговорами во фронтѣ иногда ничего не слышно; офицеры пропускаютъ команду, да и солдаты, развлекаемые голосомъ унтеръ-офицера, менѣе внимательны къ сигналамъ и построеніямъ. Слѣдовало бы обратить на это серьезное вниманіе: зло не такъ маловажно, какъ кажется, ужъ не говоря о томъ, что „десять человѣкъ, которые говорятъ, производятъ больше шуму, чѣмъ десять тысячъ, которые молчатъ“ (*).

Между тѣмъ наши взводные командиры нерѣдко молчатъ и терпѣливо слушаютъ, какъ за спиной распоряжается вахмистръ.... Причина, впрочемъ, уважительная: большинство нашихъ офицеровъ не знаютъ ни устава, ни сигналовъ, изучая и то и другое обыкновенно на практикѣ, и потому каждый взводный командиръ начинаетъ свою карьеру тѣмъ, что волей-неволей попадаетъ подъ опеку своего унтеръ-офицера, который не только подсказываетъ команду, но нерѣдко даже и прямо командуетъ за спиной офицера, такъ что на долю послѣдняго остается только команда: „маршъ!“ Положеніе незавидное, да къ тому же и подкапывающее дисциплину подъ самый корень; но оно, въ свою очередь, прямо обусловливается современнымъ способомъ обученія нашей кавалеріи: извѣстно, что сигналъ, поданный полковымъ командиромъ, переводится на русскій языкъ

(*) Слова Наполеона. „Maximes de guerre“.

дивизионеромъ, затѣмъ растолковывается эскадроннымъ командиромъ и въ этомъ разжеванномъ видѣ доходитъ до взводныхъ командировъ, которые, очевидно, могутъ не только не знать, но и не слушать сигналовъ безъ всякаго вреда для чистоты построений, при чемъ никто въ свѣтѣ не угадаетъ: знаетъ или нѣтъ сигналы взводный командиръ?

Для того, чтобы заставить кавалеристовъ выучить сигналы, есть средство очень простое: слѣдуетъ дѣлать *нѣммыя ученья*, по однимъ сигналамъ и безъ команды. Сначала пусть по сигналу командуютъ одни взводные командиры, а дивизионеры и эскадронные командиры не вмѣшиваются; затѣмъ можно приучать къ исполненію построений и вовсе безъ команды. Въ первомъ случаѣ выучатся сигналамъ офицеры, во второмъ солдаты, которые сверхъ того ближе познакомятся еще и съ уставными построениями.

Стойкость нашихъ солдатъ извѣстна всему свѣту; но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстна и слабая сторона нашихъ войскъ: съ потерей начальниковъ люди нерѣдко теряются... Опять виновата мирная подготовка: всякій ли взводный командиръ сумѣетъ командовать эскадрономъ, дивизиономъ и полкомъ въ случаѣ выбитія старшихъ офицеровъ? Мы сомнѣваемся, чтобы многіе были въ состояніи исполнить это. Между тѣмъ, и этому горю помочь нетрудно: пусть на домашнихъ ученьяхъ всѣ офицеры по очереди прокомандуютъ эскадронами, дивизионами и полками. Точно также пусть учатся унтеръ-офицеры командовать взводами и эскадронами: тогда мы будемъ увѣрены, что ни одна часть не останется безъ руководителя въ случаѣ потери начальниковъ. При этомъ однако становится очевидною необходимость того непремѣннаго условія, чтобы каждый такой распорядитель зналъ цѣль дѣйствій своего отряда или своей колонны: въ противномъ случаѣ, что будутъ дѣлать войска съ начальниками, знающими только командныя слова? Идти впередъ, ломить все встрѣчное, безъ всякой связи съ другими отрядами и безъ всякаго отношенія къ общему ходу боя? Но такъ именно и дѣйствовали наши войска на Черной послѣ потери главныхъ начальниковъ!

Съ начальникомъ погибаетъ и планъ, ему одному извѣстный: вотъ причина, почему вѣсть о смерти вождя всегда такъ поражаетъ войска. Исторія полна примѣрами самыми вразумительными въ этомъ отношеніи: нерѣдки случаи, что со смертію вождя войска его въ безпорядкѣ отступали — отсюда обы-

чай скрывать отъ войскъ рану или смерть старшихъ начальниковъ. Италъ, мы бы желали, чтобы общій очеркъ предстоящихъ, на сегодня, дѣйствій былъ извѣстенъ каждому солдату, въ особенности что касается до его колонны, его баталіона или его роты: это все-таки очень немного, но придаетъ человеку больше увѣренности и самостоятельности.

Мы не требуемъ, чтобы солдату разъясняли планъ цѣлой кампаніи: пусть для всѣхъ этотъ планъ останется суворовскимъ листомъ бѣлой бумаги (*); но не надобно впадать въ другую крайность и вести людей какъ на жертвоприношеніе, не удостоивъ сказать куда и зачѣмъ....

Скажутъ, что непріятель легко будетъ узнавать о нашихъ цѣляхъ отъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ; но дѣло въ томъ, что теперь, все равно, врасплохъ напасть довольно трудно, а вторыхъ: развѣ не знали союзники чуть не за недѣлю о предстоящемъ дѣлѣ на Черной, хотя наши войска все-таки не знали что какой колоннѣ дѣлать, когда эти колонны остались безъ начальниковъ? Другое дѣло, если успѣхъ дѣйствій прямо обусловливается тайной: скрытное движеніе, обходъ и вообще какая-нибудь военная хитрость. Макіавелли, въ своемъ „Военномъ Искусствѣ“, перечисляя всякія хитрости, прибавляетъ: „очевидно, что для всѣхъ подобныхъ военныхъ хитростей необходима привычка къ сохраненію тайны“. Онъ даже приводитъ два примѣра: отвѣтъ консула Метелла во время дѣйствій въ Испаніи на вопросъ что будетъ онъ дѣлать на слѣдующій день: „я сжегъ бы самую рубашку свою, если бы она знала о томъ“, и отвѣтъ Красса на вопросъ солдата о времени выстуления изъ лагеря: „неужели ты опасаешься не услышать трубы?“ Но гдѣ дѣло идетъ просто о томъ, чтобы въ такомъ-то часу быть у подошвы горы, дожидаться прибытія сосѣдней колонны и затѣмъ овладѣть высотой, тамъ секретничать не стоить.

Во избѣжаніе всякихъ споровъ, мы сошлемся на такой великій авторитетъ, какъ Суворовъ. Вотъ что говоритъ онъ въ своей знаменитой инструкціи австрійской арміи, когда онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ для похода 1799 года:

„Планъ операціонный: въ главную армію, въ корпусъ, въ колонну. Ясное опредѣленіе полковъ. Вездѣ расчетъ времени. Въ перепискѣ съ начальниками войскъ слѣдуетъ излагать на-

(*) Извѣстно, что Суворовъ на вопросъ австрійскаго генерала о планѣ итальянской кампаніи показалъ чистый листъ бумаги.

стоящее дѣло ясно и кратко, въ видѣ записокъ, безъ большихъ титуловъ; будущія же предпріятія опредѣлять впередъ на сутки или на двое. Не довольно, чтобъ одни главные начальники были извѣщены о планѣ дѣйствія: необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть въ мысляхъ, чтобъ вести войска согласно съ нимъ. Мало того: даже баталіонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его, по той же причинѣ даже унтеръ-офицеры и рядовые. Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ. Тайна есть только предлогъ, больше вредный, чѣмъ полезный. Болтунъ и безъ того будетъ наказанъ.“

Изъ этого видно, какъ сортировалъ Суворовъ разныя инстанціи по степени необходимости знакомить ихъ со своими планами: планъ операціонный дѣлается извѣстнымъ только штабу арміи, корпуса или колонны, баталіонные же командиры и ниже до рядоваго извѣщаются только о дѣйствіяхъ на завтрашній день.

Г. Ивановъ, помѣстивъ приведенную инструкцію въ приложеніяхъ къ своему „Обозрѣнію состава и устройства регулярной русской кавалеріи“, сказалъ, въ примѣчаніи: слѣдующую хорошую вещь: „Этотъ приказъ замѣчательнъ, составляя свидѣтельство того, до какой степени Суворовъ заботился, чтобы даже послѣдній солдатъ участвовалъ въ военныхъ предпріятіяхъ не однѣми руками и ногами, но и головой. Онъ понималъ, что руки болѣе или менѣе усердно работаютъ, ноги болѣе или менѣе толково ходятъ въ зависимости не отъ того, на сколько онѣ были напрактикованы, а отъ того, что думаетъ голова, какъ бьется сердце.“

Внушая солдату основныя правила разумной дисциплины, такъ сильно вліяющей на успѣхъ всякаго военнаго предпріятія, не надобно упускать изъ виду непремѣннаго правила: „*выручай товарища*“. Это святое правило! оно должно было бы быть одиннадцатою заповѣдью.

Въ прежнія времена смотрѣли на дѣло выручки весьма серьезно: такъ въ постановленіяхъ Карла Мартема, между прочимъ, говорится: „Кто въ бою покинулъ товарища, долженъ былъ ему, если онъ остался въ живыхъ, заплатить 160 шиллинговъ“ (*), то есть такую сумму, каковую обыкновенно платили какъ вѣню за убійство свободнаго гражданина.

(*) „Обозрѣніе исторіи военнаго искусства въ среднихъ вѣкахъ“, Брандта („Военная Библіотека“).

Сюда относится обычай выносить своихъ раненыхъ и даже убитыхъ: каждый идетъ въ бой смѣле, когда можетъ быть увѣренъ, что его не кинутъ въ случаѣ раны. Однакожь и этотъ обычай долженъ быть ограниченъ извѣстными условіями: если съ каждымъ раненымъ будутъ выбывать изъ строя двое здоровыхъ, которые понадобятся для переноски его на перевязочный пунктъ, то, пожалуй, кончится тѣмъ, что сражаться наконецъ будетъ некому. „Первая необходимость—говорить маршалъ Вюжо (*)—и вмѣстѣ *первый долг—это побѣдить*. Раненые побѣдившей арміи никогда не будутъ кинуты, тогда какъ у побѣжденной они осуждены на тысячи лишеній. Заниматься ими во время боя — ложное милосердіе, прикрывающее обыкновенно трусость. Раненые офицеры должны подавать при-мѣръ, отказываясь отъ услугъ.“

Говоря о выручкѣ, мы считаемъ необходимымъ упомянуть, что кавалерія постоянно дѣйствуетъ вмѣстѣ съ другими родами оружія, и потому правило „выручай товарища“ еще въ большей степени касается пѣхоты и артиллеріи: кавалерія не должна шадить себя для выручки своихъ боевыхъ товарищей.

Къ сожалѣнію, у насъ въ арміи, какъ и во французской, существуетъ какой-то странный антагонизмъ между оружіями: ученый кантикъ подымаетъ носъ передъ кавалеріей, кавалерія вымещаетъ на пѣхотѣ (характеристическое названіе: *крупа*), которая утѣшается за то тѣмъ, что „въ кавалеріи все дураки“. Такой антагонизмъ развивается отъ многихъ причинъ, а въ особенности вслѣдствіе отсутствія близкой связи между различными родами оружія: въ мирное время войска лишь весьма изрѣдка соединяются и большею частію существуютъ совершенно отдѣльно, безъ овозможности знаомкнуться, узнать другъ друга и оцѣнить по достоинству.

Вотъ почему мы бы желали, быгто наши, исключительно кавалерійскіе, кампанеты замѣнились сборами войскъ трехъ родовъ оружія, хотя побригадно. Расходы окупятся пользой.

Такъ какъ кавалерія, дѣйствуя по преимуществу на флангахъ боевыхъ позицій, подвергается чаще другихъ войскъ нападению во флангъ и тылъ, то самое обученіе кавалеріи должно быть направлено такимъ образомъ, чтобы слова: флангъ, тылъ, были неизвѣстны кавалеристамъ. Ни тыла, ни фланга нѣтъ: вездѣ фронтъ! Откуда ни появится непріятель, сейчасъ туда

(*) „Aperçus sur quelques détails de la guerre“ par le marechal Bugeaud.

лицомъ—вотъ и фронтъ. Кавалерія должна быть приучена ходить въ атаку по прямому направленію и облически, развернутымъ фронтомъ и въ колоннахъ, на переднюю и на заднюю шеренгу.

Наши лошади боятся каждаго вздора, даже своей тѣни.... Известно, какъ готовятъ ординарцевъ; чтобы приучить лошадей не бояться султана съ перьями. Конечно, такая кавалерія не пойдетъ на пѣхоту, которая еще притомъ стрѣляетъ. Вообще у насъ оба рода войскъ, и пѣхота и кавалерія, ведутся такимъ образомъ, что приучаются бояться другъ друга: на горизонтѣ появилась кавалерія, и пѣхота тотчасъ свертывается ежомъ; кавалерія и въ мирное время на маневрахъ не подскакиваетъ къ пѣхотѣ ближе 50 шаговъ. Этотъ предѣлъ учебной атаки назначается въ избѣжаніе несчастныхъ случаевъ; но тутъ еще незамѣтно достигается и другая цѣль: сдѣлать кавалерію ни къ чему негодною....

И такимъ путемъ наша кавалерія ведется около семидесяти лѣтъ! Не стало великаго Суворова, и уроки знаменитаго полководца забыты. Опытъ, купленный дорогой цѣною пролитой крови, отложенъ въ сторону.... Никто лучше Суворова не зналъ солдата, не угадывалъ что ему нужно, что нѣтъ, чему надо учить и отъ чего отучать. До сихъ поръ еще воспоминаніе о Суворовѣ живетъ въ народѣ—доказательство его популярности.... Чего не дѣлали его чудо-богатыри! а вѣдь это были простые русскіе люди, нисколько не крупнѣе и не сильнѣе нынѣшнихъ. Все поведеніе Суворова клонилось къ возвышенію духа своихъ солдатъ: отеческая заботливость о всякой мелочи солдатскихъ нуждъ; преслѣдованіе лживки, лукавки, немогузнайки; стремленіе развить въ солдатъ сметку; сблизить начальниковъ съ подчиненными—все, что назалось обыкновеннымъ людямъ только затѣями и шутловствомъ, все это имѣло однакожъ громадный смыслъ. Судите по послѣдствіямъ: какая армія въ состояніи перенести то, что перенесла наша въ итальянскую кампанію 1799 года?

Какія же средства принималъ нашъ „*батьюшка-Суворовъ*“ для воспитанія своихъ войскъ и для возвышенія моральныхъ силъ?

Вотъ что сказано Суворовымъ въ его „инструкціи австрійцамъ 1799 года“: „Въ этомъ и весь секретъ: пѣхота проходитъ *сквозь* пѣхоту и кавалерію, кавалерія проходитъ *сквозь* пѣхоту и кавалерію; а какъ только прошли всѣ насквозь — строятся линіи опять на прежнемъ разстояніи, гдѣ и командовать *стой!* Задняя линія проходитъ *сквозь* переднюю и *нальво*

крутом! Кавалерія по четыре нальво крутом! Тутъ же стануть на заднюю шеренгу. Тотъ же маневръ повторяется снова. Армія, которая была атакующею, теперь уже стоитъ на мѣстѣ, а стоявшая прежде теперь атакуетъ и то же самое наблюдаетъ...

Замѣтите, что, при атакѣ, войска не приучались останавливаться передъ непріятелемъ, а проходили *насквозь*, пѣхота приучалась видѣть кавалерію лицомъ къ лицу и убѣждалась, что „не такъ чортъ страшенъ, какъ его малюютъ“. Лошади тоже приучались не бояться пѣшаго человека, а чтобы приучить ихъ прорываться сквозь пѣхотныя линіи, несмотря даже на пальбу, Суворовъ употреблялъ слѣдующее остроумное средство: къ концу ученя часть кавалеріи спѣшивалась, пѣшие становились въ шеренгу и размыкали ряды, въ интервалы проѣзжали ихъ конные товарищи съ заводными лошадьми, и ученье кончалось. Это продѣлывалось на всѣхъ аллеюрахъ, и когда лошади уже привыкали оканчивать такимъ образомъ ученье и не боялись проходить между рядами пѣшихъ людей, тогда начинали приучать ихъ къ пальбѣ, встрѣчая ихъ выстрѣлами сначала довольно далеко, а наконецъ почти въ упоръ; лошади, проскочившей въ интервалъ, тотчасъ же навѣшивали торбу съ овсомъ, и ученье оканчивалось. Правда, не обходилось сначала безъ ушибовъ; но подъ-конецъ лошади до такой степени привыкали къ такому упражненію, что уже совершенно не боялись идти на пѣхоту; напротивъ, выказывали сильное нетерпѣніе, рвались, вѣроятно рассчитывая на близкій отдыхъ. Что лошадь отлично понимаетъ и привыкаетъ ко всякому постоянному требованію, доказательства не нужны: довольно сказать, что всѣ лошади, прослужившія пять, шесть лѣтъ, отлично знаютъ пѣхотные команды и сигналы. Для некавалеристовъ это покажется, пожалуй, и невѣроятнымъ; но кто хотя видѣлъ вблизи кавалерію, тотъ, вѣроятно, замѣтилъ, что дѣлается съ лошадьми, когда раздается команда: „равненіе направо — галопъ!“ и какъ весело покрикиваютъ лошади, только услышать: *слыши!*

Въ способѣ Суворова мы видимъ и приученіе атаковать на заднюю шеренгу такъ же, какъ и на переднюю. Вообще Суворовъ отлично понималъ кавалерійское дѣло, что, жъ сожалѣнію, весьма рѣдко встрѣчается въ главнокомандующихъ.

Замѣчательно, что Григгеймъ, въ своихъ „Лекціяхъ о тактикѣ“, говоря (на стр. 313) о существовавшемъ въ австрійской кавалеріи упражненіи, „при которомъ кавалерія небольшими

частями должна была проскакивать сквозь стрѣляющую пѣхоту“, и прибавляя, что „мѣра эта, очевидно достойна подражанія“, вовсе, кажется, и не подозреваетъ, что австрійцы заимствовали этотъ способъ у русскихъ. Теперь начини наша кавалерія снова суворовскія упражненія, и нѣмцы могутъ сказать, что мы подражаемъ австрійцамъ!

Самые маневры Суворова ставили войска въ довольно близкое къ боевымъ условіямъ положеніе, да и одностороннія ученія всегда имѣли видимую цѣль — какой-нибудь мѣстный предметъ (заборъ, огородъ, оврагъ и т. п.); при атакѣ, войска останавливались уже *пройдя* препятствіе, а не такъ, какъ теперь — *не доходя* 50 шаговъ.... Не говоря уже о томъ, что лошади получаетъ вредную привычку останавливаться именно тогда, когда надо развить наибольшую быстроту, достаточно вспомнить главное, коренное правило обученія: *учить для боя*. У насъ же выходитъ похоже на то, что мы учимся только для маневровъ.

Маневры наши весьма слабо намекаютъ на бой: все въ нихъ не дѣло, начиная отъ многорѣчивой диспозиціи, гдѣ указаны всѣ моменты предстоящихъ эволюцій, и оканчивая полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ смыслу и боевому значенію каждаго оружія. Выѣзжаетъ, напримѣръ, непріятельская батарея и снимается съ передковъ во ста саженьяхъ передъ кавалерійскимъ фронтомъ — начинается пальба и продолжается иногда цѣлыхъ полчаса, до новой перемѣны позиціи при общемъ наступленіи. Въ настоящемъ бою, батарея не позволили бы стать такъ близко къ свѣжому противнику, а если бы удалось стать, то въ полчаса вся кавалерійская линія, стоящая спокойно на мѣстѣ, была бы окончательно разстрѣляна и сбита; на маневрахъ же наоборотъ: разстрѣляныя войска продолжаютъ дѣйствовать и еще батарею, пожалуй, заберутъ. Разъ появилось ложное понятіе о маневрахъ, и въ головѣ каждаго распорядителя начинается путаница: человѣкъ теряется, дѣлаетъ вовсе не то, что бы онъ сдѣлалъ въ настоящемъ бою, и потомъ оправдывается тѣмъ, что *вздѣ это маневры!*

Суворовскій способъ обученія войскъ важенъ еще въ томъ отношеніи, что приучалъ солдатъ не бояться за тылъ. Для нихъ не было словъ: „мы обойдены“, „въ тылу непріятель“: войска знали, что у нихъ вездѣ *фронтъ*, гдѣ только появился непріятель.

тель; тылу жѣтъ — повернись лицомъ къ врагу — вотъ и вся недолга.

„Надо предостеречь отъ тревожныхъ криковъ: „спасайтесь, мы отрѣзаны, обойдены“ и т. д.; надо предупредить, что обязанность прикалывать дрянныхъ солдатъ и непріятельскихъ шпионовъ лежитъ на замыкающихъ унтеръ-офицерахъ, что съ непріятельскими отрядами, угрожающими флангамъ и тылу, будутъ расправляться наши резервы.“ (*)

Въ итальянскую кампанію Наполеона въ 1796 году австрійцы, какъ извѣстно, дѣйствовали преимуществу обходами. „Слова: „обходъ“, „мы обойдены“ и проч., раздавались очень часто и, конечно, пугали войска; тогда какъ, въ сущности, даже *дѣйствительный обхода не есть еще несчастье*, ибо необходимо *разбить* обойденнаго, „чтобы изъ обхода извлечь какую-нибудь пользу, говорить Грисгеймъ въ своихъ „Лекціяхъ о тактикѣ“.

Маневры имѣютъ въ виду только одни матеріальныя условія успѣха, да и то не вполне, а нравственный элементъ, конечно, долженъ остаться въ сторонѣ: ни храбрость, ни деморализація не могутъ быть выражены; двѣнадцатирядный взводъ не имѣетъ права атаковать восемнадцатиряднаго подъ опасеніемъ быть признаннымъ разбитымъ: вслѣдствіе этого люди приучаются *считать* враговъ, а ужъ хуже этого трудно что-нибудь придумать. Въ бою же, напротивъ, случается нерѣдко, что одинъ эскадронъ опрокидываетъ цѣлыя кавалерійскія линіи. На маневрахъ всякій обходъ считается опаснымъ: люди приучаются бояться трехъ человекъ въ тылу больше пятидесяти передъ фронтомъ, тогда какъ въ бою „кто обходитъ, тотъ самъ обойденъ“. На маневрахъ и не развяжешься съ обходящимъ отрядомъ: „кто дѣйствуетъ противъ обхода, наступательно, тотъ всегда оказывается тамъ въ самомъ невыгодномъ положеніи. Состояніе разбитаго вождя примѣрно изображено быть не можетъ, и поэтому отброшенный являлся здѣсь тотчасъ же способнымъ къ новому нападению“. (**). Все наизуворотъ. „Въ настоящей же войнѣ, если обходящій будетъ изрядно поколоченъ, то дѣло и ясно.“ (***)

(*) „Aperçus sur quelques détails de la guerre“, маршала Бюло.

(**) Грисгеймъ, стр. 199.

(***) Тамъ же, стр. 104.

Мы никогда не забудемъ знаменитой репетиціи маневра подъ Чугуевомъ, незадолго передъ назначеннымъ днемъ парскаго смотра въ 1859 году. Два эскадрона Лубенскаго полка, Богъ вѣсть съ какой радости (въ диспозиціи этого не было), вырвались изъ непріятельской линіи и понесли мимо всего нашего праваго фланга на батарею, дѣйствовавшую въ центрѣ. Такъ какъ сей казусъ въ диспозиціи не предвидѣлся, то нашъ флангъ остался спокойно на мѣстѣ и далъ взять батарею, которая тоже не хлопотала сняться. Когда потомъ мы разбирали наши дѣйствія, то эскадронные командиры оправдывались тѣмъ, что при дивизионерѣ они не могутъ самовольно распоряжаться, а одинъ изъ дивизионеровъ сослался на то, что во время атаки лубенцовъ около насъ стоялъ начальникъ штаба: онъ значить и долженъ былъ распорядиться. Попасть же на гауптвахту за самовольное нарушеніе предписаній начальства (это диспозицію называютъ предписаніемъ) никому не охота.

Кто-то преломилъ было копье за тактику, но долженъ былъ согласиться, что никакой тактики тутъ нѣтъ, что тутъ уставъ, да слушай сигналы: вѣдь это маневры!

Очевидно, что такъ никто ничему не выучится: ни солдатъ, ни частный начальникъ, связанный диспозиціею и боящійся отвѣтственности, ни даже главный распорядитель, боящійся отступить отъ составленной программы, чтобъ не сотворить каши. Приучаются только составители диспозицій, да и то не къ дѣлу, а къ способу быть чаще битымъ: боевая диспозиція никогда не должна даже и *походить* на диспозиціи маневровъ.

Одинъ изъ серьезныхъ недостатковъ кавалеріи заключается въ трудности возстановленія порядка не только послѣ неудачной встрѣчи, но даже и послѣ успѣха. „Кавалерія никогда не бываетъ такъ слаба, какъ послѣ удачнаго шока“, говоритъ Бисмаркъ. Весьма важно, конечно, умѣть привести свою кавалерію въ порядокъ какъ можно скорѣе послѣ неудачи. Какъ же смотрѣть теперь на правило нашего устава отступать отъ непріятеля только *рысью*? По нашему мнѣнію, чѣмъ скорѣе выйти изъ-подъ ударовъ противника, тѣмъ лучше: опрокинутая кавалерія защищаться уже не можетъ; дайте ей нѣсколько уйти—все равно не остановите; потомъ „соберите около себя офицеровъ и лучшихъ солдатъ—это послужитъ первымъ ядромъ—и, встрѣтивъ какой-нибудь перегибъ мѣстности (овражекъ, ка-

наву и т. п.), удвойте скорость, обгоните своихъ солдатъ, повернитесь и рѣшительно командуйте *стой!*“ (*)

Это совѣтъ истинно-военнаго и бывалаго человѣка; въ мирное же время въ скорому сбору можно приучать тѣми средствами, которые указаны уже выше: эскадронъ разсыпая по полю, командиръ остановится гдѣ-нибудь съ трубачемъ и подастъ аппель: люди слетаются со всѣхъ сторонъ и строятся позади эскадроннаго командира, который понемногу подвигается впередъ и переходитъ постепенно въ рысь и атаку.

Послѣ разсыпной атаки, если она удалась, слѣдуетъ собираться всегда *впереди* линіи атаки, а не назади ея, а такне и не на самой линіи, какъ это введено нашимъ уставомъ. Зейдлицъ замѣтилъ во время дѣла при Ландсгутѣ (1745 г.), что кавалеріи довольно невыгодно собираться „позади линіи атаки, ибо это привлекало непріятеля, увеличивало беспорядокъ и замедляло новое построеніе“ (**). „Король Фридрихъ II немедленно отдалъ приказъ, чтобы кавалерія собиралась всегда впереди.“ При подобной энергіи и желаніи сдѣлать что-нибудь, немудрено было создать такую превосходную кавалерію.

При неудачѣ, беспорядокъ бѣгства бываетъ иногда такъ великъ, что потомъ не соберешь свою кавалерію въ теченіе цѣлаго боя; вотъ почему надо быть разборчивымъ въ выборѣ удобныхъ для атаки моментовъ. Кавалерія оружіе скользкое: разъ выпустилъ изъ рукъ, не скоро удастся снова имъ воспользоваться. Каждый кавалеристъ долженъ сродниться съ мыслию, что даже при быстромъ отступленіи онъ непремѣнно долженъ хоть разъ огрызнуться: „три-четыре добрыхъ удара клыкомъ насѣдающему на васъ врагу достаточны, чтобы внушить ему уваженіе.... При отступленіи надобно сдѣлаться львомъ.... сдѣлайся бараномъ, тебя начнутъ стричь“, говоритъ маршалъ Бюжо (***).

Кавалеристъ (да и всякій военный) никогда не долженъ падать духомъ: неудача со всякимъ случается, и если бы не было несчастія, люди не знали бы, что значить счастье. Чтобы быть счастливымъ, не терпѣть неудачи, надобно прежде всего *умѣть* быть счастливымъ: терпѣливо жди случая, а дождался—вали очертя голову. Наше родное „авось“ часто ведетъ

(*) Maximes, conseils et instructions sur l'art de la guerre.

(**) „Военный Журналъ“ 1843 г., № 4. „Прусская кавалерія при Фридрихѣ II“.

(***) Aperçus sur quelques détails de la guerre.

къ успѣху, часто и къ пораженію; чтобы меньше зависѣть отъ случая, надо *порѣже на авось и почаще навѣрняка*. На авось удастся два-три раза и не удастся въ четвертый, и этотъ четвертый будетъ горше трехъ первыхъ, по вліянію на духъ войскъ. Если тѣхъ же результатовъ можно достигнуть хоть не такъ скоро, но за то болѣе вѣрнымъ способомъ, выбирайте этотъ и не рискуйте на авось. Другое дѣло, когда выбирать не изъ чего или некогда: тогда первое вздуманное авось есть и самое вѣрное средство.

Замѣчательно, что на авось кавалерію посылаютъ обыкновенно пѣхотные генералы. *Кавалерійское* авось не похоже на пѣхотное: атака, повидимому, на авось, предпріятіе, кажущееся всѣмъ чрезвычайно рискованнымъ, на самомъ дѣлѣ строго рассчитано и ведено навѣрняка. Тутъ всякій, повидимому, вздоръ имѣетъ свое значеніе и долженъ быть принятъ въ соображеніе. Въ своемъ мѣстѣ, при разборѣ условій успѣха атаки, мы рассмотримъ тѣ случаи, когда атака очертя голову, непривычному глазу кажущаяся сумасбродствомъ, атака при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ относительно формы строя и мѣстности, можетъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ.

На сколько же правы распорядители боя, посылая кавалерію не вовремя и нестати въ атаку, и на сколько правы кавалерійскіе начальники, исполняя гибельныя приказанія, мы рассмотримъ впоследствии.

Въ заключеніе настоящей статьи, мы повторимъ главную нашу мысль: обученіе должно быть цѣлесообразно. Если войска назначаются для боя, то и *учить ихъ надо только тому, что нужно для боя*.

Бой, самъ по себѣ, вещь ненормальная и ставитъ человѣка въ самыя тяжелыя, непривычныя условія, требующія отъ него извѣстныхъ нравственныхъ качествъ, извѣстнаго навыка. Все это дается и развивается соответствующимъ воспитаніемъ, которое всегда въ состояніи одолѣть въ человѣкѣ врожденныя ему слабости: *nourriture passe nature*.

М. ТЕРЕНТЬЕВЪ.